

УДК 343.241

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.166-176

ВИТАЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГЕРАНИН,

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой уголовного права и процесса,
Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Рязани,
г. Рязань, Российская Федерация, ORCID 0000-0003-0251-2002,
e-mail: gvvrzn@mail.ru;

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА МАЛЬЦЕВА,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного права и процесса,
Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Рязани,
г. Рязань, Российская Федерация, ORCID 0000-0001-9252-284X,
e-mail: kafedraupd2015@yandex.ru

ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ: ЛЕГИТИМНЫЕ И ЛАТЕНТНЫЕ

Для цитирования

Геранин, В. В. Цели наказания: легитимные и латентные / В. В. Геранин, С. Н. Мальцева // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 2. – С. 166–176. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.166-176.

Аннотация. В период переработки законодательства и начала подготовки проектов новых кодексов, который переживает страна в настоящее время, возобновилась дискуссия относительно целей, стоящих перед наказанием, возможности их достижения и постановки иных, более утилитарных целей. Данная статья находится в русле этой дискуссии, но посвящена не поиску аргументов в поддержку замены такой цели, как исправление осужденных, а рассмотрению проблем целей наказания с иной стороны, исследуя их с позиции легитимности и латентности. На протяжении всего периода развития мировой пенитенциарной науки и практики процесс исполнения (отбывания) наказания сопровождался привлечением, а можно сказать, и принуждением осужденных к труду. На примере нашей страны в статье прослеживается изменение позиции законодателя в отношении роли и цели трудового использования осужденных. Эволюция от прямого закрепления в законодательстве до постепенного перехода в категорию латентных – путь, который пройден рассматриваемой в статье целью наказания – самокупаемостью. Как известно, ни одна крупнейшая стройка в довоенный период не обходилась без использования труда осужденных: от Беломорканала до Магнитки – миллионы осужденных создавали будущую стратегическую основу Советского государства. Однако с переходом страны к рыночной экономике и обусловленной ею безработицей экстенсивный путь развития, по которому развивалась экономика

© Геранин В. В., Мальцева С. Н., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

страны и на которой в первую очередь основывалась экономическая деятельность уголовно-исполнительной системы, завершился. С ним пришло и осознание необходимости замены концептуального подхода к трудовому использованию осужденных. Собственное производство как экономическая основа уголовно-исполнительной системы с его изношенным, устаревшим морально и материально оборудованием более не могло конкурировать с государственными промышленными предприятиями, даже несмотря на относительно невысокую себестоимость выпускаемой продукции. Из донора государственного бюджета Федеральной службы исполнения наказаний стала одним из его крупнейших потребителей. В ходе поиска новой концепции трудового использования осужденных ставка была сделана на постепенную замену лишения свободы альтернативными наказаниями. Их главное достоинство в действительности заключается не столько в отсутствии «эффекта изоляции», имманентно присущего лишению свободы, сколько в минимизации затрат на содержание осужденных, то есть в реализации принципа самокупаемости наказания. В силу этого в систему основных наказаний, помимо имевшихся исправительных работ, были введены обязательные, а затем и принудительные работы. Последние изменения в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве свидетельствуют о том, что акцент сделан на принудительные работы как наиболее соответствующие самокупаемости наказания. При достаточно высоком уровне карательного содержания наказания (обязательность постоянного пребывания в пределах исправительного центра) не только осужденные возмещают расходы на свое содержание, но и из их заработка производятся удержания в доход государства. Следовательно, необходимо вывести латентную в настоящее время цель – самокупаемость наказания – из тени и сделать ее легитимной, закрепив в соответствующих статьях Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Российской Федерации.

Ключевые слова: цели наказания, самокупаемость наказания, трудовое использование осужденных, собственное производство, контрагентские работы.

Вопрос о целях уголовного наказания и его исполнения, несомненно, относится к одному из наиболее дискуссионных в теории уголовного и уголовно-исполнительного права. И это не случайно, поскольку человечество всегда волновало то, как обезопасить себя от преступлений и как поступать с преступником.

Один из мыслителей древности Платон полагал, что цель наказания – это, во-первых, очищение души, запятанной преступлением, предупреждение его повторения в будущем посредством применения к преступнику наказания, являющегося для него лекарством, исцеляющим его нравственный недуг, во-вторых, устранение дурного влияния на сограждан, в-третьих, избавление государства от опасного, вредного члена. По существу, здесь сформулированы те цели, которые вот уже почти две с половиной тысячи лет закреплены в уголовных кодексах большинства государств.

Синтезируя идеи своих предшественников, один из известнейших представителей итальянского Просвещения XVIII в. Ч. Беккариа в своем знаменитом трактате «О преступлениях и наказаниях» указал, что «цель наказания... заключается... в предупреждении новых деяний преступника, наносящих вред его согражданам, и в удержании других от подобных действий» [1, с. 105].

Разумеется, вопрос о целях наказания не мог не найти отражения и в законодательстве России. Так, Соборное уложение 1649 г., считающееся первым печатным кодексом России, предусматривало четыре цели наказания:

1. Устрашение (чтобы иным неповадно было).
2. Возмездие со стороны государства.
3. Изоляция преступника (в случае ссылки или тюремного заключения).
4. Предупреждение совершения новых преступлений (клеймение, урезание носа, отсечение уха и т. д.).

Согласно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., справедливо оцениваемому в качестве первого уголовного кодекса России, наказания подразделялись на уголовные, исправительные и дополнительные. К ставшим уже привычными целям наказания: устрашение и предупреждение добавилась новая – исправление, под которой понималась необходимость вызвать «нравственные и религиозные сознания из мертвенного усыпления» (<http://ivo.garant.ru/#/document/57791500/paragraph/35:0>).

В последнем по времени издания главном источнике уголовного права досоветского периода России – Уголовном уложении 1903 г. – одним из видов пенитенциарных заведений предусматривались исправительные дома. Согласно ст. 18 в них «приговоренные обязательно занимаются заведенными в исправительном доме работами... а лица мужского пола могут быть также назначаемы на работы и вне исправительного дома» (<http://library6.com/books/553030.pdf>). Название заведений прямо указывало на основное их назначение, а правовое регулирование деятельности непосредственно увязывалось с обязательным привлечением заключенных к труду.

Было бы заблуждением представлять, что в то время могла предполагаться цель получения существенной материальной выгоды от использования труда лиц, отбывающих наказание. Однако отметим, что труд стал применяться и к заключенным в тюрьмах, а за его выполнение, как устанавливала ст. 58 Уложения, начислялась сдельная плата (<http://library6.com/books/553030.pdf>). Использовался же он как одно из средств воздействия, главным образом, для предупреждения порока праздности.

В советский период уголовное законодательство (ст. 8 УК РСФСР 1922 г. и ст. 9 УК РСФСР 1926 г.) было дополнено характерной для того периода целью наказания – приспособлением преступника к условиям общежития государства трудящихся (<https://ru.wikisource.org/wiki>).

Однако уже в первом советском пенитенциарном кодексе (ИТК РСФСР 1924 г.) в общих положениях указывается цель, которой вскоре предстоит стать определяющей: «Каждое исправительно-трудовое учреждение должно стремиться возмещать трудом содержащихся в нем заключенных затрачиваемые на них издержки, не теряя, однако, из виду исправительных целей» (<https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071>). Впрочем, это скорее была задача, что называется, на перспективу, поскольку страна, только вышедшая из кровопролитной Гражданской войны, с разоренной экономикой и едва сформированным государственным аппаратом, была не в состоянии обеспечить всех лиц, отбывающих наказание, производительным трудом. К тому же присущая периоду нэпа безработица, достигшая к 1924 г. 1240 тыс. человек, не позволяла рассчитывать на предоставление сколько-нибудь значимых объемов работ пенитенциарной системе.

Ситуация в экономике СССР коренным образом изменилась начиная с 1930-х годов: форсированная индустриализация сменила безработицу на хронический дефицит трудовых ресурсов. К сожалению, подъем экономики не сопровождался созданием более

эффективного механизма использования рабочей силы. Главным инструментом регулирования трудовых отношений становится принуждение [2, с. 21].

Административно-мобилизационные меры управления экономикой, утвердившиеся в этот период в народном хозяйстве, не могли не сказаться и на ее пенитенциарной политике. Утвержденное СНК СССР в 1930 г. Положение об исправительно-трудовых лагерях на долгие годы определило стратегическое направление развития заведений, исполняющих лишение свободы, и главное – все исправительно-трудовые лагеря были переведены на самоокупаемость, что позволило снять с государства бремя расходов на содержание заключенных.

Не стоит заблуждаться, подневольный труд и в то время не оценивался производительнее труда добровольного, свободного. Однако для быстрее решения безусловно важнейшей задачи – индустриализации экономики (страна спешно готовилась к грядущей войне) – использовались все доступные средства и небогатые возможности. Колоссальные предвоенные стройки, такие как Норильский комбинат (ныне ОАО ГМК «Норильский никель» – крупнейший в мире производитель никеля и палладия), Магнитогорский комбинат, ставший крупнейшим металлургическим предприятием Советского Союза и внесший неоценимый вклад в победу, строительство Комсомольска-на-Амуре, начало строительства БАМа, наконец, знаменитый Беломорканал – обеспечивший выход к Балтийскому морю и Волго-Балтийскому водному пути, и многие иные, не столь грандиозные сооружения, возводились либо только заключенными, либо с их важнейшим участием.

Для повышения эффективности труда заключенных с 1931 г. начал применяться такой мощный стимул, как досрочное освобождение от отбывания наказания в связи с зачетом рабочих дней заключенным, перевыполнившим установленную норму: день работы засчитывался за полтора-два календарных дня срока, а на особо тяжелых работах – за три. Зачеты в целом показали свою эффективность для мотивирования заключенных к повышению производительности труда. Однако после высказывания И. В. Сталина в 1938 г. на заседании Президиума Верховного Совета СССР «О досрочном освобождении заключенных» о том, что подобные освобождения нарушают работу лагерей, поскольку уходят лучшие работники [3], Президиум Верховного Совета СССР в 1939 г. издал Указ «Об отмене условно-досрочного освобождения для осужденных, отбывающих наказание в ИТЛ НКВД СССР». Примечателен п. 4 этого Указа, согласно которому предписывается «лагерную рабочую силу снабжать продовольствием и производственной одеждой с таким расчетом, чтобы физические возможности лагерной рабочей силы можно было использовать максимально на любом производстве» (<https://ru.wikisource.org/wiki>).

«Лагерная рабочая сила» из бремени, которое вынуждено нести государство, превратилась в важное средство ускоренного подъема промышленности, а труд заключенных стал рассматриваться как значительный экономический ресурс. Недостаток объективно низкой эффективности труда окупался недоступно высокой для народного хозяйства мобильностью переброски огромных людских ресурсов к возводимым объектам, а также фактическим отсутствием потребности создания сопутствующей крупным стройкам инфраструктуры (жилье, больницы, школы, детские сады и т. д.), что, безусловно, позитивно сказывалось на темпах и стоимости строительства.

Вряд ли следует считать экономическую составляющую одной из основных причин поступательного повышения численности заключенных в России 30-х – 40-х годов XX в., однако и не учитывать ее было бы неверно. Только объемы капитального строительства, осуществляемого ГУЛАГом, составляли около 10 % от общих государственных капитальных вложений [4].

Все более масштабному использованию труда заключенных способствовала и направленность карательной политики государства, в которой именно изоляции от общества отводилась главная роль в борьбе с противниками советской власти. Идеологической основой такого направления стала позиция И. В. Сталина, согласно которой по мере продвижения страны вперед сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться, а советская власть будет проводить политику изоляции этих элементов [5, с. 171]. В силу этого если к концу Гражданской войны в СССР насчитывалось менее 80 тыс. заключенных, то ко времени создания ГУЛАГа (1930 г.) их содержалось уже 189 тыс. [6], и далее, вплоть до начала войны, число осужденных только возрастало, достигнув в 1941 г. 2 400 422 человек [6].

В послевоенный период, когда отпала острейшая необходимость прибегать к любым средствам и способам скорейшего подъема экономики, использование труда заключенных в качестве инструмента экстенсивного развития утратило свое прежнее значение.

Введенный в действие в 1960 г. УК РСФСР в целом отражал принятый государством курс на демократизацию общественных отношений. В частности, из системы наказаний были изъяты такие, как изгнание из пределов РСФСР и объявление врагом народа. Закрепленные в ст. 20 УК РСФСР цели наказания можно назвать традиционными: исправление и перевоспитание, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Вместе с тем неудачно сформулированное положение о роли и месте кары в целях наказания породило многолетнюю научную дискуссию. Ее суть сводилась к двум взаимоисключающим позициям относительно того, является кара целью или сущностью наказания. Результаты дискуссии, продолжавшейся вплоть до принятия нового УК РФ 1996 г., хотя и не убедили ни одну из сторон, значительно обогатили теорию уголовного права глубокой разработкой проблем института наказания.

Принятый спустя 10 лет ИТК РСФСР в ст. 1 воспроизвел закрепленные в УК РСФСР цели наказания, дополнив их неосуществимой мечтой об искоренении преступности. При этом положение о том, что «...наказание не только является карой...», сказалось на содержании других разделов Кодекса. В частности, ч. 2 ст. 37 ИТК РСФСР, устанавливавшая общее правило использования осужденных, содержащихся в исправительно-трудовых колониях особого режима, как правило, на тяжелых работах, изменила для этих лиц сущность труда: из средства исправления он трансформировался в карательный элемент наказания. Однако данное требование ИТК РСФСР, изначально противоречащее основным законам экономики, на практике реализовывалось непросто, учитывая, что к предприятиям исправительных учреждений предъявлялись требования, аналогичные обычным промышленным предприятиям. Впоследствии эта норма из ИТК РСФСР была изъята.

В послевоенный период, когда экономика страны начала динамично модернизироваться, а административно-мобилизационные методы управления экономикой постепенно стали замещаться экономическими методами, перед отечественной пенитенциарной системой встал вопрос о дальнейшем пути развития. Экстенсивный путь, когда миллионы осужденных предоставлялись, главным образом, на контрагентские работы, себя исчерпал, но приоритетная цель – самообеспечение системы, тем не менее, не снималась. При выборе оптимальной модели использования труда осужденных было решено создавать собственное производство – предприятия при исправительно-трудовых колониях. Такой подход имел, по меньшей мере, три основных преимущества. Во-первых, он соответствовал основной легитимно закрепленной цели наказания – исправлению и перевоспитанию осужденных в духе честного отношения к труду. Во-вто-

рых, в условиях плановой экономики наличие собственного предприятия гарантировало обеспечение осужденных постоянным объемом работ. В-третьих, это практически снимало проблемы обеспечения режима и охраны на производственном объекте, характерные для контрагентских предприятий при выводе туда на работу осужденных.

Несмотря на то что задача создания собственных предприятий в условиях административно-территориального размещения решалась исключительно трудно, а созданные предприятия ИТУ были технически отсталыми, низкоэффективными и малоперспективными, их общий объем производства со временем сравнялся с объемами некоторых промышленных министерств, а МВД СССР вошло в первую пятерку крупнейших промышленных министерств по выпуску товарной продукции [7]. С точки зрения соотношения затрат и полученных результатов лишение свободы продолжало оставаться приемлемым, несмотря на все издержки.

По мере либерализации политической, экономической, социальной жизни общества уже в конце XX в. все чаще начал ставиться вопрос о необходимости снижения числа «сидельцев». Основывались такие предложения, прежде всего, на закреплении в правовой политике государства ценностного (аксиологического) подхода и необходимости гуманизации криминального законодательства. Предпринимались также попытки снизить число осужденных, отбывающих лишение свободы. Периоду конца XX в. характерно изменение числа лиц, лишенных свободы, по синусоиде: 1970 г. – 1 146 882; 1986 г. – 2 356 933; 1991 г. – 1 254 247 осужденных [6]. Такие волнообразные колебательные движения свидетельствовали о целенаправленных действиях государства в его стремлении «регулировать» преступности.

Численность лишенных свободы, необходимость и способы ее снижения неоднократно становились предметом дискуссий ученых-криминалистов, обсуждались на правительственном уровне, однако существенных успехов достичь не удавалось, и к началу XXI в. (2000 г.) в местах лишения свободы продолжало находиться около миллиона осужденных – 925,1 тыс. (<https://rosinfostat.ru/prestupnost/#i-6>). Как представляется, тому были две основные причины – разные для советского и постсоветского периода развития нашего государства. Для советского периода проблема снижения численности «сидельцев» не была столь актуальной, поскольку Советский Союз был значительно мощнее России и содержание исправительно-трудовой системы (отметим, весьма разветвленной в тот период) не могло оказать заметное негативное влияние на экономику страны. Более того, как отмечалось, исправительно-трудовая система была не просто самокупаемой, а выступала в качестве одного из основных спонсоров государственного бюджета.

В постсоветский период, когда уголовно-исполнительная система не только не пополняет государственный бюджет, но и полностью из него финансируется, содержание сотен тысяч в подавляющем большинстве своем неработающих осужденных становится ощутимым бременем. Так, согласно федеральному бюджету на 2020 г. (Федеральный закон от 2 декабря 2019 г. № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов») расходы на ФСИН России запланированы в размере 293 896 977,6 тыс. рублей, что лишь немногим меньше расходов, выделенных на вместе взятых Министерство культуры и Министерство просвещения (соответственно – 135 900 018,3 и 174 091 610,2 тыс. рублей).

Как выяснилось, экономический фактор оказался гораздо действеннее ставших привычными, но неэффективных призывов к снижению «тюремного населения». Однако и его воздействие не сразу сказалось на снижении численности лиц, отбывающих лише-

ние свободы. Резкий всплеск преступности, последовавший за происшедшей в России социальной революцией 1989–1991 гг., объективно не позволял судам назначать наказания, не связанные с изоляцией от общества. В силу этого, несмотря на все усилия, на рубеже веков численность лишенных свободы по-прежнему колебалась в пределах миллиона осужденных.

Однако если в так называемые тучные годы при профицитном бюджете растущие расходы на уголовно-исполнительную систему не вызывали особой тревоги, то финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. потребовал принятия незамедлительных мер.

Для решительного снижения расходов на ФСИН России в уголовной политике государства акцент был сделан на расширение применения наказаний, альтернативных лишению свободы. Одновременно с этим при совершенствовании действующих и разработке новых уголовных наказаний законодатель задумался о возрождении принципа самокупаемости деятельности учреждений, исполняющих эти наказания.

Как результат, в 2005 г. к осужденным впервые за совершение преступлений небольшой и средней тяжести наконец-то стало применяться наказание в виде обязательных работ, откладывавшееся на протяжении предыдущих 9 лет.

В 2010 г. после радикального изменения содержания было введено в действие наказание в виде ограничения свободы, до этого также «висевшее» в течение 14 лет.

В 2011 г. согласно изменениям, внесенным в ст. 50 УК РФ, вновь стало возможным назначать исправительные работы осужденным, имеющим основное место работы. До этого начиная с 2003 г. из-за непродуманных изменений этой же статьи исправительные работы применялись лишь к осужденным, не имеющим основного места работы, что едва не погубило столь эффективный с точки зрения самокупаемости вид наказания.

Наконец, с 2017 г. начало применяться наказание в виде принудительных работ, ранее также откладывавшееся в течение 6 лет в связи с отсутствием мест исполнения наказания – исправительных центров.

Нельзя не заметить, что все упомянутые изменения, внесенные в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, объединяет общее.

Во-первых, стремление законодателя максимально расширить перечень наказаний, не просто альтернативных лишению свободы, а отвечающих главному критерию – самокупаемости, то есть чтобы осужденные своим трудом, как минимум, компенсировали расходы государства, затраченные на исполнение данного наказания, возмещали причиненный ущерб, а при благоприятных условиях еще и пополняли бы бюджет.

Как нередко бывает, желание одновременно «убить» нескольких зайцев приносит обратный результат. Так, ст. 49 УК РФ, принятого в июне 1996 г., предусматривала бесплатность выполняемых осужденными к обязательным работам общественно полезных работ, что, собственно, и являлось важнейшей отличительной особенностью нового наказания, и должна была обеспечить ему «популярность». Однако первоначальная редакция ст. 25 и ст. 28 принятого спустя полгода УИК РФ неожиданно «усовершенствовала» это наказание, установив, что труд бесплатен только для осужденных. Работодатели же, как и обычно, должны перечислять финансовые средства за использование труда осужденных в соответствующие бюджеты. Разумеется, для предприятий и организаций, трудоустраивающих таких осужденных и обязующихся при этом осуществлять за ними контроль, вести учет выполненных работ, начислять им заработную плату и перечислять ее в бюджет, все перечисленное выглядит только как дополнительные и при этом ничем не компенсируемые обязанности, поэтому не случайно, что в таком виде наказание в течение 9 лет не применялось. Лишь после того, как труд стал бесплатным не

только для осужденных, но и для работодателя (Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ), обязательные работы стали все более часто назначаться судами, и по итогам 2018 г. их удельный вес составил уже 8,7 % от всех основных наказаний (<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>).

Расширение перечня наказаний, в названиях которых упоминается слово «работа» – исправительная, обязательная, принудительная, подчеркивает их главную особенность: использование труда осужденных.

Думается, если бы появилась возможность отменить концептуальное назначение наказания в виде ареста – содержание в условиях строгой изоляции, по существу исключая возможность какого-либо производительного труда осужденных, мы бы не готовились отмечать в следующем году 25-летний юбилей неприменения этого наказания.

Во-вторых, в последнее десятилетие с очевидностью прослеживается тенденция снижения применения наказания в виде лишения свободы: на 1 января 2020 г. в учреждениях УИС содержалось 523 928 чел., что на 39 238 чел. меньше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (<http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS>), то есть за 10 лет число лиц, отбывающих лишение свободы, снизилось более чем на 300 тыс. человек (падение почти на 40 %). Это своеобразный рекорд – достигнут исторический минимум числа лиц, содержащихся в исправительных учреждениях.

Сохранятся ли такие темпы снижения и на следующее десятилетие? Это представляется маловероятным.

Как справедливо полагают некоторые специалисты, возможности введения новых альтернатив лишению свободы исчерпаны [8] и в дальнейшем сокращение его доли можно будет осуществлять только за счет расширения использования уже существующих наказаний.

Кроме того, у судов сокращается вероятность назначать иное, чем лишение свободы, наказание в связи со всевозрастающей долей ранее судимых лиц в общей их структуре. Так, по сравнению с предыдущим годом в 2017 г. доля лиц, имеющих неснятую или непогашенную судимость среди всех, кому назначено уголовное наказание, возросла на 2,3 % (http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/Statisticheskijobzor_po_sudimosti_2017.pdf), а среди лиц, отбывающих лишение свободы, за период 2009–2018 гг. доля рецидивистов выросла с 47,8 до 54,2 % (<http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS>), причем удельный вес осужденных к лишению свободы в третий и более раз вдвое превышает число осужденных дважды.

Как подчеркивалось на расширенном заседании коллегии ФСИН России, концентрация в местах лишения свободы лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, в настоящее время превысила 80 % от общей численности (http://фсин.рф/news/index.php?element_id=448262). Это непосредственно сказывается на возможности снижать численность лишенных свободы посредством их досрочного освобождения от отбывания наказания. Так, за последние 10 лет число освобожденных условно-досрочно или в связи с заменой наказания более мягким наказанием уменьшилось от общего числа освобожденных от отбывания наказания на 12 % (с 42,8 % в 2009 г. до 30,8 % в 2018 г.).

Перевод же на самоокупаемость исправительных учреждений невозможен не только в нынешних условиях, но и в среднесрочной перспективе. Главным к тому препятствием выступает низкий уровень трудоустройства осужденных. Несмотря на все усилия, которые ФСИН России предпринимает для увеличения числа рабочих мест, в испра-

вительных учреждениях полезным трудом занято только около 37 % осужденных. Как отметил председатель Комитета Совета Федерации по регламенту и организации парламентской деятельности А. Кутепов на совещании по вопросам социальной адаптации заключенных, состоявшемся 4 июля 2018 г., в исправительных учреждениях содержатся 264 тыс. осужденных, не обеспеченных работой (<http://council.gov.ru/events/news/94024>).

В результате эти осужденные не только не возмещают расходы, затраченные на их содержание, не возмещают причиненный вред, но и после освобождения от наказания не могут трудоустроиться, поскольку у них отсутствуют трудовые навыки, а имевшиеся утрачиваются за время пребывания в местах лишения свободы. Отчасти и поэтому в стране столь высокий уровень рецидивной преступности, который к тому же год от года растет [9, с. 225].

На наш взгляд, происходит смена концепции трудоустройства осужденных: от собственного производства, организованного, главным образом, в местах лишения свободы, ФСИН России переходит к контрагентским отношениям, предполагающим предоставление потенциальному партнеру пусть и не очень квалифицированные, зато недорогие рабочие руки, причем акцент делается на наказании, пограничном между лишением свободы и альтернативными наказаниями. Речь идет о принудительных работах, исполняемых исправительными центрами.

С точки зрения самоокупаемости это весьма перспективный институт: притом что карательное содержание наказания достаточно высокое (обязанность постоянного пребывания в пределах исправительного центра), осужденные вместе с тем достаточно свободны в трудоустройстве. Главное же, они оплачивают расходы на свое содержание, из их заработка производятся удержания в размере от 5 до 20 % в доход государства, кроме того, они обязаны погашать назначенные судом иски, например, на возмещение ущерба потерпевшим. Широкому развитию его применения препятствует лишь отсутствие необходимого количества самих исправительных центров. По сути, наказание начали применять даже вопреки общему правилу: вначале создается учреждение, исполняющее наказание, а затем к этому наказанию суды приговаривают осужденных. В данном случае эти процессы стали идти параллельно, причем поспешность была такова, что при отсутствии должных финансирования и времени исправительные центры не строились, как говорится, с нуля (то есть с учетом требований установленного режима, созданием необходимой инфраструктуры и т. д.), а под них срочно начали приспособлять имеющиеся сооружения.

Желание сделать принудительные работы основной альтернативой лишению свободы натолкнулось на реальные возможности уголовно-исполнительной системы. В силу этого за 2018 г. принудительные работы составили лишь 0,5 % от назначенного судами лишения свободы. Для сравнения: исправительные работы – 29 % (<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>), за первое полугодие 2019 г. принудительные работы – 0,9 %, исправительные работы – 28,3 % (<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5083>).

Однако стратегия уже избрана и для увеличения числа лиц, отбывающих принудительные работы, в декабре 2018 г. вносятся изменения в ст. 53.1 и 80 УК РФ (Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 540-ФЗ), создавшие механизм, в соответствии с которым у осужденного в первую очередь возникает возможность замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами, и только после этого – возможность условно-досрочно освободиться. При этом с учетом скромных возможностей УИС по созданию новых исправительных центров с 1 января 2020 г. вступили в силу изменения, внесенные в ст. 60.1 УИК РФ (Федеральный закон от 18 июля 2019 г. № 179-ФЗ),

позволившие создавать участки исправительных центров на базе имущества, предоставляемого в безвозмездное пользование организациями, использующими труд осужденных к принудительным работам.

Что касается использования труда лиц, содержащихся в местах лишения свободы, то перспективы необнадлежающие. На сегодняшний день в состав УИС входят 31 федеральное государственное унитарное предприятие, 569 центров трудовой адаптации осужденных, 71 производственная мастерская. Все они нуждаются в кардинальном обновлении оборудования, поскольку только 20 % из имеющегося, по словам заместителя директора ФСИН России Р. Степаненко, пригодно для работы. При этом даже такое морально и физически устаревшее оборудование из-за отсутствия заказов используется лишь на 58 % (<http://council.gov.ru/events/news/94024>). Кроме того, наблюдается низкая мотивация и заинтересованность работающих осужденных (<http://фсин.рф/budget/info.php>). Самым очевидным способом для повышения интенсификации их труда является значительное, как минимум, вдвое, увеличение зачисляемой на их лицевой счет заработной платы. Не вызывает сомнений, что 4,8 тыс. рублей, которые, по словам на тот момент врио начальника управления организации производственной деятельности и трудовой адаптации осужденных ФСИН России В. А. Пантелеева, работающим осужденным в среднем за месяц зачисляются на лицевой счет (<https://rg.ru/2018/10/08/stalalizvestna-sredniaia-zarplata-zakliuchennogo-v-rossii.html>), не в состоянии стимулировать их не то что к производительному, но даже просто к труду.

Учитывая опыт последних, как минимум, 30 лет, вряд ли можно ожидать значительного увеличения финансирования УИС, необходимого для масштабного обновления промышленного оборудования, создания новых производственных площадей, то есть перевод «тюремного населения» на самообеспечение в современных условиях – чрезвычайно трудно реализуемая задача. Этим во многом и обусловлено резкое сокращение числа осужденных к лишению свободы, с одной стороны, и пристальное внимание к альтернативным ему наказаниям – с другой.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что трудовое использование осужденных всегда шло параллельно с отбываемым ими наказанием. Более того, в отдельные периоды оно приобретало приоритет, а самоокупаемость в деятельности исправительных учреждений становилась самоцелью. Однако если для первоначального этапа Советского государства эта цель открыто провозглашалась и закреплялась в законодательстве (ИТК РСФСР 1924 г.), то в последующих кодексах она вначале была завуалирована (ИТК РСФСР 1933 г.), а затем по разным причинам перешла в категорию латентных.

Действующий УК РФ в ст. 43 закрепляет три цели наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденных и предупреждение новых преступлений, объединяя в последней общую и частную превенцию. УИК РФ в ст. 1, по существу, воспроизводит те же цели, за исключением первой. Предполагается, что она достигается на этапе назначения наказания. Авторы проекта нового УИК РФ предлагают исправить этот недостаток и включить восстановление социальной справедливости в качестве четвертой цели уголовно-исполнительного законодательства [10, с. 43].

На наш взгляд, цели уголовного и уголовно-исполнительного законодательства могут не совпадать, учитывая различия предметов правового регулирования данных отраслей, их место и назначение в системе отраслей российского права и законодательства. В таком случае, а также опираясь на обязательность труда осужденных, предусмотренную нормами как российского, так и международного права, мы полагаем не только возможным, но и необходимым вывести цель самоокупаемости наказания из тени

и восстановить ее легитимность. Трудности, которые возникнут при ее реализации в условиях исполнения наказания в виде лишения свободы, ожидаемы, но вряд ли они значительнее тех, с которыми сталкивается уголовно-исполнительная система, реализуя цель исправления осужденных. Цель исправления служит своеобразным барьером, фильтром, не позволяющим принимать и применять к осужденным любые, в том числе противоречащие ей, средства воздействия. Самоокупаемость же должна нацеливать администрацию учреждений, исполняющих наказание, не просто на трудоустройство как можно большего числа осужденных к оплачиваемым работам, но и на их эффективное трудоустройство.

В качестве компромиссного решения можно предложить самоокупаемость как дополнительную цель только для учреждений, исполняющих альтернативные лишению свободы наказания. Для этого необходимо в раздел УИК РФ, регулирующий исполнение альтернативных наказаний, внести главу, аналогичную той, которая в нынешнем УИК РФ предваряет регламентирование исполнения лишения свободы, назвав ее «Общие положения исполнения альтернативных наказаний» (если такое их название получит закрепление в законе) либо назвав так, как наказания именуются в настоящее время: «Общие положения исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества». В данной главе помимо целей, стоящих перед этой группой наказаний, необходимо изложить и другие общие особенности, послужившие основанием их выделения. Как уже отмечалось, именно самоокупаемость лежала в основе введения в УК РФ и УИК РФ наказаний, использующих в своем наименовании слово «работа».

Библиографический список

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2004. 184 с.
2. Богданов С. В. Безработица в истории России XX века: причины, особенности, последствия : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2002. 23 с.
3. История СССР. Хроника великой страны. 1917–1991. URL : <https://books.google.ru/books?id=KWoDDgAAQBAJ&pg=PA225&lpg=PA225&dq> (дата обращения: 19.01.2020).
4. Вклад заключенных ГУЛАГа в экономику СССР. Справка. URL : <https://ria.ru/20090415/168168878.html> (дата обращения: 19.01.2020).
5. Сталин И. В. Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь 9 июля 1928 г. на пленуме ЦК ВКП(б) // Сталин И. В. Сочинения : в 13 т. М. : Политиздат, 1953. Т. 11. 423 с.
6. Лунеев В. Преступление и наказание в России. URL : <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0239/tema07.php> (дата обращения: 19.01.2020).
7. Матвеева Н. С. Экономическая история развития производственного сектора пенитенциарной системы России // Историко-экономические исследования. 2009. № 1. С. 14–39.
8. Круглый стол на тему «Основные направления развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на современном этапе». 2011. URL : <http://csr.ru/news/kak-uluchshit-sistemu-ispolneniya-nakazaniy> (дата обращения: 19.12.2019).
9. Геранин В. В., Мальцева С. Н., Кузьмин С. С. Самоокупаемость как основной признак эффективности уголовных наказаний // Евразийский юридический журнал. 2019. № 3. С. 224–226.
10. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2017. 328 с.